

А.А. Нестеренко

Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой как мыслители и художники

В художественной ткани произведений Достоевского и Толстого всегда заметен отблеск их философских исканий. Писатели – мыслители в любой своей повести, в любом своём романе (не говоря о публицистике) выступали с наблюдениями и обобщениями, проникнутыми глубокими и тревожными раздумьями морального, социального, религиозного, эстетического характера. Эти раздумья неотделимы от их собственного художественного наследия. Но к концу их жизненных путей (у Достоевского в 1860-1870-е, у Толстого в 1880-1900-е годы) философская струя в их литературной работе приобрела столь особую силу, что специальные темы «Достоевский – мыслитель» и «Толстой – мыслитель» привлекли к себе исключительное внимание многих исследователей.

Типологическая общность Достоевского и Толстого выражается в том, что при решении кардинальных проблем общественной жизни они обратились не к политике, а к нравственности. Социальный прогресс они мыслили только на путях нравственного совершенствования людей, хотя прекрасно понимали всю глубину и остроту социально-исторических противоречий своего времени. Личные взаимоотношения Достоевского и Толстого по ряду причин не состоялись, но духовная близость была весьма заметна [1]. Их идейно-творческая переключка без особого труда накладывается, например, на материал произведений «Три смерти», «Война и мир», «Анна Каренина», «Народные рассказы», «Смерть Ивана Ильича» Толстого и «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского. Здесь видна нравственно-философская позиция великих современников в борьбе с индивидуалистическим своеволием; попытки решения проблемы свободы и необходимости с помощью изображения «внутреннего человека» во взаимодействии с внешним социальным миром [2].

Оба писателя расценивали своё время как момент «переворота», остро ощущая явления и процессы всеобщего разлада и распада. При всех различиях писателей объединял пафос полного неприятия общественного строя: Достоевский выразил безысходность страданий городских обездоленных людей, а Толстой всем сердцем воспринял отчаяние миллионов русских крестьян, «потопив» в их наивных консервативных утопиях свои надежды и опасения относительно судьбы России.

В поисках спасения человека и России Достоевский и Толстой, с их общей широтой гуманистического сознания и чувства, не могли не прийти к религии. Вопрос «существования божия» сознательно и бессознательно мучил Достоевского всю жизнь.

Отношение Толстого к религии и её проблемам резко отличается от восприятия и переживаний Достоевского. Если в течение тридцати-сорока лет жизни Толстой инертно следовал за всякими обрядовыми церковными обычаями, то впоследствии с каждым годом проникался всё большим сознанием фальшивости православного учения в его церковном варианте. Толстовская религия шла в разрез с православной ортодоксией и нацелена была на создание лучшего человеческого жизнеустройства. Толстой захотел «действовать сознательно к соединению людей с религией» (дневник) [3]. Изучая историю христианства, Толстой убежденно писал, что плодами всевозможных нелепых христианских догм (вроде «божественности сына» Бога) всегда были только «злоба, ненависть, казни, изгнания, побоища жён и детей, костры, пытки...» [3, т. 23, с. 482]. В часто повторяемые им слова «религия» и «Бог» Толстой вкладывал нецерковное содержание, резко отличное от понимания этих слов Достоевским. И хотя оба абсолютизировали значение нравственного фактора в понимании исторического развития человечества и апеллировали к религии и Богу, они тем не менее, использовали этот «препарат» нравственности как бы с разных концов. По меткому выражению В.В. Вересаева, Достоевский шёл от жизни и земли – к Богу, Толстой же – наоборот, пробирался от Бога – к жизни, к человечеству. Достоевский решение больших вопросов искал в идеальных ситуациях религиозно-мистической морали (старец Зосима в «Братьях Карамазовых»), Толстой же истину искал в жизненном опыте, в экспериментах своего «центрального героя» (Николенька Иртеньев – Дмитрий Нехлюдов в «Утре помещика» – Оленин – Пьер Безухов – Константин Левин – Дмитрий Нехлюдов в «Воскресении»), примеряя «его» поведение к постулатам «разумной веры».

Религиозные взгляды двух интеллектуальных колоссов неотделимы от их социальных пристрастий. По верному замечанию Толстого, Достоевский был – «весь борьба». Он метался между своими *pro* и *contra*; погружённый в роковые вопросы своего времени, он без усталости искал, находил и тотчас же отрицал найденное и снова искал; дорожа Христом более, чем истиной, он верил и... не верил, – вернее, «обещал» верить (как его Шатов) и вместе с тем погружался в «бездны неверия».

Совсем иную картину жизни раскрывает нам биография Толстого. В своих трактатах и художественных произведениях, полных своеобразных противоречий, но вместе с тем и неиссякаемой веры в человека, Толстой защищал достаточно определённую социальную мысль о победе над злом мира с помощью непротивления злу насилием. Эта мысль, утопичная в своей реальной осуществимости, приобрела, однако, немало сторонников в разных странах мира и даже нашла своё практическое выражение в организации толстовских общин и коммун. Ведь социальная идея бескровного преобразования жизни на земле не только сама по себе эффективна и соблазнительна, но и по существу человечна в самом предельном понимании этого слова. Толстой оказался в окружении своих последователей.

Творчество Достоевского оказало огромное влияние на художественную мысль многих народов, но никаких своих последователей в социальном плане писатель не приобрёл. У Достоевского – «всё врзъ». Его литературное наследство – многообразный, всегда тревожащий, но идейно нестойкий материал для споров и домыслов – «диалогизм», «полифоничность» (М.М. Бахтин), «ничего сложившегося». И очень рискованно говорить о его миропонимании как о законченном. Он всю жизнь *искал* себя.

Страстные же поиски Толстого, которым сопутствовали не менее тяжёлые сомнения и колебания, привели, однако, писателя к устоявшимся и вполне определённым, хотя и утопичным, моральным и социальным решениям, с которыми он уже не переставал жить и мыслить во второй половине своего творческого пути (1880–1900-е годы). И не случайно Толстой казался М. Горькому «человеком решённых вопросов» [4]. В конце концов он *нашёл* себя.

Известно резко отрицательное отношение Достоевского к революциям и революционерам. К его личному творческому опыту переориентации от идей утопического социализма Петрашевского – к жесточайшей критике революционной «бесовщины» с почтением относятся во всем мире.

Значительно и весьма своеобразно расходится с отношением к революции Достоевского восприятие Толстым событий, связанных с освободительным движением и революцией в России. Развернувшееся в России в 1905 году революционное движение всецело поглотило внимание Толстого. В очерке «Великий грех» он отметил, что «Россия переживает важное, долженствующее иметь громадные последствия, время» [3, т. 36, с. 202]. Внеисторично полагая, что замена одного насильнического строя жизни другим, тоже насильническим, и не раз, не разрушит всех назревших проблем человеческого жизнеустройства. И упуская из виду многие социально-политические факторы, Толстой, однако, проникается верой в «великое историческое призвание» русского народа, сознание которого, по его мнению, «пробуждается» и требует коренного изменения условий жизни. Толстой хочет найти внутренний смысл голоса революции.

В письмах к В.В. Стасову Толстой заявляет о своём отрицательном отношении ко всем вообще кровавым насилиям. И наряду с этим он так осмысливает события революции 1905 г.: «События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, всё равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают» [3, т. 76, с. 45, 59].

Он мечтает о «толстовской революции», как назвал взгляды Толстого на освобождение народа В.В. Стасов в письме к нему 18 сентября 1906 года [5]. Ответ Толстого Стасову оттеняет всю двойственность восприятия революции писателем. Он заключает своё письмо словами: «Я радуюсь на революцию, но огорчаюсь на тех, которые, воображая, что делают её, губят её. Уничтожит насилие старого режима только неучастие в насилии» [3, т. 76, с. 193, 194].

Заслуживает всяческого внимания то обстоятельство, что, развивая свою идею бескровного освобождения земли для работающих на ней, Толстой в статье «Великий грех» (1905 г.) ссылается на моральную силу и права людей из народа, которые в прошлом и в будущем, как он верит, разрешали и будут разрешать вопросы владения землёй. «Освобождение крестьян в России, – пишет он, – совершено не Александром II, а теми людьми, которые поняли грех крепостного права и старались, независимо от своей выгоды, избавиться от него; преимущественно же совершено такими людьми, которые готовы были страдать и страдали сами («не заставляя никого страдать») ради верности тому, что они называли «правдой» [3, т. 36, с. 228].

И еще одно «разночтение» необходимо отметить в философском сознании Достоевского и Толстого. Речь идет об антиномии лжи и истины в философских приоритетах того и другого, с чем вообще связан глубокий трагизм в судьбе христианства. Достоевский в гениальной Легенде о Великом Инквизиторе раскрыл не только диалектику свободы и авторитета, но и диалектику истины и лжи в организации царства мира, в организации церкви и государства. Истина, раскрытая Христом, есть истина о бесконечной свободе духа. Великий же Инквизитор, устами которого говорят все желающие организовать

мировой порядок, признал истину Христову разрушительной и анархической, и для блага людей захотел исправить дело Христа. Выбрав Христа, Достоевский в «Братьях Карамазовых» тем не менее констатирует (конечно, сокрушаясь при этом), что тысячи раз люди утверждали спасение мира ложью и только ложью, а истину видели опасной для самого существования мира.

Ф.М. Достоевский поставил глубокую проблему. По-иному, но столь же радикально поставил ее и Толстой, самый правдивый писатель мировой литературы. Все творчество Толстого направлено против лжи, художественное обличение лжи, на которой покоятся цивилизация, государства, организация общества. Нет ничего легче, как критиковать учение Толстого о непротивлении злу насилеи. Очень легко показать, что при непротивлении всегда победит зло. Но Толстой надеялся на историческое чудо и во имя веры в это чудо непосредственного вмешательства Бога предлагал рискнуть гибелью общества, государства и цивилизации, гибелью мира, который держится на лжи и насилии, на антибожеском законе. «По сути Толстой требует отказа от социально полезной лжи». С этим и связано необыкновенное правдолюбие его литературного, дневникового и эпистолярного творчества: любовь к правде есть основная добродетель, и мир более всего в ней нуждается; творческое воображение может стать путем познания истины...

Отношение искусства к действительности – камень преткновения эстетики – одинаково волновало реалиста Достоевского и реалиста Толстого.

Творчество Достоевского наполнено жизнью, пропущенной через интеллект писателя, чем отчасти и предопределялась его мучительная надуманность и субъективные авторские решения. Как не раз говорил сам писатель, кроме реальной действительности он всегда видел перед собой какую-то собственную действительность, кажущуюся ему в его воображении – так сказать, действительность над действительностью.

Автобиографизм содержания большинства художественных произведений Толстого очевиден. С этим обстоятельством связана и типичность образов. Уже не говоря о «центральной толстовском герое», и остальные персонажи «целестремлены». Но, в отличие от Достоевского, Толстой мотивировал поступки и действия героев наиболее естественными причинами. Пошлость и искусственность он считал наиболее страшным «отступлением от пути», то есть от реализма [3, т. 53, с. 77]. Искусственность улавливал он и в этой «действительности», какую подчинял Достоевский своим идеям, отражая, как и Толстой, жизнь, но в иной плоскости.

Целые россыпи мыслей мы находим в дневниках и письмах Толстого, который не уставал думать о задачах творческого отражения действительности, с которой он соединял свои реалистические идеи. Эта действительность всегда была для него не выдуманной, не приспособленной для искусства, а живой, конкретной (пример: буквальное *изучение* поля у Бородина, каковым оно было в действительности). Самым «прекрасным» героем своих произведений он считал «правду» (вспомним конец второго «Севастопольского рассказа»). Ложь в искусстве, писал он Н.Н. Страхову, «уничтожает всю связь между явлениями, порошком всё рассыпается» [3, т. 62, с. 308]. Писателю, считал он, надо «мало того, чтобы прямо лгать – надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая» [3, т. 46, с. 212]. С правдивостью внешне-описательной стороны должны строго сочетаться правдивость, убедительность и естественность проявлений человеческой воли и мысли; эксцентричные душевные движения, «загадочные» натуры (кроме разве «старца Фёдора Кузьмича»), отвлечённые дискуссии героев и героинь – всё это чуждо вниманию Толстого.

Из сказанного вытекает примечательное различие самих типов реализма Достоевского и Толстого. Реализм Достоевского предопределён и основан на его всегда встревоженной умозрительной силе (в эстетическом понимании этого термина), на его творческой инициативе, создающей исключительную, гениальную надуманную действительность. Реализм Толстого тоже основан на огромной творческой силе, прозревающей всю окружающую среду жизни, но при этом в границах непосредственно воспринимаемой им естественной жизни.

Совершенно естественно, что содержание и построение характеров у Достоевского и Толстого разнятся – в соответствии с индивидуальными особенностями реалистического метода каждого из них.

У Достоевского почти нет событий и людей, существовавших в каком-то месте, в такой-то день и им «использованных»; у него всё взято из общих, жизнью показанных, достоверных, но «безымянных», неконкретных явлений повседневности. Силой же воображения они получили свою литературную жизнь в образах. Зато в Достоевском налицо огромная инициативная художественная мысль, колоссальная умозрительная сила.

С первых творческих лет, создавая образы типологически «исключительных» героев, Достоевский концентрировал своё внимание на их характерах. Писатель придавал решающее значение этой первоначальной стадии в создании произведений. При этом термин «характер» Достоевский понимал весьма широко, включая в него и психологические, и идеологические черты. Понятия «характер» и «идея» становились у него постепенно почти тождественными. Несколько позже эти понятия чередовались с теоретическим определением «лицо».

С пониманием терминов «характер», «лицо» у Достоевского сопоставим наблюдения над соответствующими представлениями Толстого. Начиная с героев автобиографической трилогии, с военных кавказских и «Севастопольских рассказов», с крестьян в «Утре помещика», с героя и героини «Семейного счастья» – через Ростовых и Болконских, «наполовину» Пьера Безухова – кончая персонажами «Анны Карениной», «Смерти Ивана Ильича», «Отца Сергия», «Крейцеровой сонаты», «Дьявола», «Воскресения» и даже назидательно – притчевых рассказов «Алёша Горшок», «Божеское и человеческое» – всюду обнаружим плоть от плоти чёрточки характера самого автора, куски лично пережитых или воспринятых писателем впечатлений.

Особенности реалистического метода каждого из двух великих писателей-гуманистов и характерология «населения» их литературных миров предопределили и жанровые своеобразия их творчества. То, что далеко от внимания и вкуса Толстого – мотивы газетной хроники, пародирование, анекдотические вставки, авантюрные сюжеты, гротескные сцены, – тем полнятся страницы Достоевского, предопределяя всё своеобразие его романических форм.

В связи со всеми нашими наблюдениями представляется неизбежным уяснить, от лица кого наши великие авторы ведут всякий раз свои рассказы, каковы у них структуры повествования.

Но прежде – небольшая теоретическая справка.

«Повествователь» («рассказчик») – это, конечно, условность в том смысле, что автор (в процессе создания произведения и в момент восприятия его читателем) как бы устраняется из цепи связи «писатель – читатель», рекомендуя осуществить эту связь избранному им повествователю (рассказчику). Тут нужно уметь представить «дистанцию» между автором и повествователем (рассказчиком), необходима определённая степень отвлечённости и абстрагирования. Системой повествования, носителем которого является повество-

ватель, выражается в целом авторское начало в эпическом (повествовательном) произведении.

Повествователь (рассказчик), как фокус, соединяет речевую структуру повествования, а вместе – и систему характеров и положений (Толстой говорил: «выразить основы сцепления мыслей, словами описывая образы, действия, положения»). Повествователь (рассказчик) поэтому не призван вызывать в нас какой-то конкретный облик, характер (строго говоря, это зависит исключительно от степени остроты воображения читателя), но он посредством отобранных компонентов произведения обобщает известный тип конкретного человеческого отношения к действительности, (то, что мы называем «позицией», «точкой зрения» автора). Угол авторского изображения может и не совпадать с субъективными особенностями (намерениями) писателя. Таким образом, повествователь (рассказчик) в эпического рода произведениях – проводник авторского начала, которое он доносит до читателя системой речевых средств, данных в его распоряжение автором в результате целенаправленного отбора и продиктованных степенью «активности» («пассивности») авторской позиции. (Последняя, таким образом, выражается через систему повествования, организатором которой является автор, а носителем – повествователь, рассказчик).

Повествователю прежде всего верят или не верят, повествователь убеждает или не убеждает нас (в эстетическом, конечно, смысле). В этом заключается его «деятельная» функция – прежде всего в изяснительности (продиктованной, заметим, опять-таки степенью «активности» или «пассивности» авторской позиции). Высокая степень этого качества зависит, в первую очередь, от эстетического совершенства той системы связей и взаимоотношений, о которых говорилось выше...

Итак, каковы же повествовательные структуры художественной прозы Толстого и Достоевского (в самом общем виде)?

Толстой во всех своих крупных произведениях и почти во всех повестях говорит с читателями непосредственно от самого себя, как историк прошлого или настоящего, раскрывая прямо «лицом» поставленные перед читателями эпические картины и не прибегая к помощи подставных, условных повествователей. Только в ранних своих произведениях (трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», кавказские и «Севастопольские» рассказы...), сбивающихся на воспоминания или во всяком случае отражающих личные авторские впечатления, Толстой пишет (не без влияния «натуральной школы») от лица разумемого им рассказчика, который полностью заменяет его самого.

У Достоевского же мы найдём немного произведений, в которых он художественную действительность решает показать непосредственно от своего собственного, авторского, имени; большей частью он как бы сторонне наблюдает события и поведение действующих лиц. Иной приём, иной подход к деланию романов и повестей был бы решительно неудобен писателю, который экспериментально (в известном смысле) создавал исключительные положения, связывая их с исключительными героями и героинями, и вместе с тем сам со всей своей страстью, своим собственным голосом, заинтересованно вторгался в дискуссии и судьбы своих персонажей. Достоевский почти всегда вводил образ какого-то стороннего героя, который мог бы по его заданию, повествуя, судить и рядить все дела и споры в произведении, давая волю своим субъективным, хотя и вполне творчески законным мнениям и зависимым от автора решениям. В творчестве Достоевского роль своеобразного персонажа, автора-спутника играет рассказчик; ему автор перепоручает не

только раскрытие всего хода событий в произведениях, но и полнейшее слежение за душевными движениями героев и героинь. Образ этого рассказчика, заботящегося о выразительности рисуемых им художественных картин, тесно связывается Достоевским с судьбами действующих лиц. Его рассказчик наблюдает за каждым их шагом, непрерывно общается с ними, настигая их в любом месте, часто играет роль их конфликта, хлопочет о них, оценивает их дела и мысли и нередко вместе с тем выступает заинтересованным лицом; он любит, он ревнует, он борется с самим собой, то давая волю своим эмоциям, то примиряясь со своими неудачами. Привлечение рассказчика как героя намечаемого произведения становилось у Достоевского прямым и излюбленным творческим приёмом. Передавая ему свои авторские функции, Достоевский обеспечил большую свободу своим субъективным идейным суждениям и выражению всего эмоционального тона (ведь собственно-авторская речь всегда требует большей сдержанности и собранности). Видимо, автор считал, что при таком приёме повествования можно шире и своевольнее трактовать исключительные события и ситуации героев и увеличивать свою «силу воображения», одним словом «надумывать» действительность над действительностью, в которой образ человека, найденное и выношенное своеобразие его характера достигли бы реализма в «высшем» понимании этого слова (терминология писателя). В своей записной книжке Достоевский как-то обронил мысль, выражавшую его сокровенное желание: «При полном реализме найти в человеке человека». Достоевскому не нравилось, когда читатели и критики называли его «психологом». «Нет, — решительно утверждал он, — я лишь реалист в высшем смысле». Это означало изображение всех глубин души человеческой. Понимание реализма вполне согласовывалось у Достоевского с его мыслями об идеях, которым он даёт большой ход, в том числе и посредством своеобразной системы повествования...

... Величественны следы, оставленные Достоевским и Толстым в истории мировой культуры. При всех различиях их идейных позиций и приёмов художественного письма они вместе, движимые любовью к своему народу, общими творческими усилиями, известными только выдающимся деятелям искусства, внесли в сокровищницу мировой литературы неизмеримо ценный вклад, рассказав о жизни и людях так, что под их пером невидимые движения человеческой души стали зримыми и понятными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломунов К.Н. Достоевский и Толстой // Достоевский – художник и мыслитель. М., 1973. С. 475.
2. Курляндская Г., Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский: Проблема метода и мировоззрения писателей. Тула, 1986. С. 386.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное): В 90 т. М., 1928-1958.
4. Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949-1955. Т. 14. С. 259.
5. Толстой Л. и Стасов В.: Переписка. Л., 1929. С. 408.

S U M M A R Y

The article examines the relationship and the difference of religious, philosophical and author's positions of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy.

Поступила в редакцию 20.11.1999